

Марина Богуславская

ГРИФЕЛЕМ
КАРАНДАША

...и тысячей стёртых
набросков

Марина Богуславская
Грифелем карандаша. ...
и тысячей стёртых набросков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969409

ISBN 9785448376887

Аннотация

Грифелем карандаша – долго, больно и неловко. Рисунками случайных ситуаций, последовательностью горящих мотыльков, стёртыми набросками чужих чувств и мечтаний, яркими цветами разбитых надежд – сборник, лишённый цвета и переполненный чувств.

Содержание

Чернилами моей жизни на последней странице	5
И на тёмных простынях он рисовал звёзды	9
Стало концом	12
Улыбается и молчит	18
Осталась всевидящей	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Грифелем карандаша
...и тысячей
стёртых набросков
Марина Андреевна
Богуславская**

© Марина Андреевна Богуславская, 2017

ISBN 978-5-4483-7688-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чернилами моей жизни на последней странице

Я знаю – мне суждено умереть с последней перевёрнутой страницей, что, словно огнём, сожжёт меня, и оставит в твоём сознании лишь слабо сходный образ, едва видимый и очень горький. Кто я? Я тот, кто стал тебе почти идеалом, миром всего и дражайшим человеком этой старой книги, которую ты читаешь до поздней ночи. И, знаешь, я тоже имею чувства. Они столь хрупки, что разобьются, стоит лишь истории начаться вновь в глазах кого-то другого...

...ведь ты – читатель, а я, навек – наивный мечтатель...

Мы познакомились с тобой на восьмой странице – я был случайным прохожим в сцене с девушкой, что роняет свой кошелёк в лужу по неосторожности, расплачиваясь за купленные овощи на рынке, и, после, благодарит поднявшего его меня – она и есть главной героиней этой истории, которую я должен любить, но, целуя её – я видел тебя, такую милую в своей простоте и естественности; слышал в её голосе оттенки твоего, тихого и чарующего, отдающегося слабыми импульсами на кромке моего не существующего сознания; любил тебя одну до одурения – но улыбался лишь ей, наивной пленнице этой вечной роли.

Сказать честно – я обрадовался, увидев тебя, такую светлую, смотрящую напряжённо на страницы моего мира, и тихо читающую вслух строчку за строчкой, в мягком свете настольной лампы, на рабочем столе у зашторенного окна. Ты стала той, кто был дорог для меня, наверное, впервые – я не помню, умирая каждый раз, когда, перелистывая последнюю страницу, мой читатель закрывает книгу, погружая и меня, и мой мир в темноту до тех пор, пока кто-то другой её не откроет.

Вторая встреча, после которой мы не расставались, произошла уже на двадцать третьей странице – автор, должно быть, таким образом, пошутил, раз главный герой появился так поздно, но, впереди, было ещё четыре сотни страниц, которые пестрели совсем различным содержанием, и в которых жил я. Но...

...ты – читатель, а я, навек – наивный влюблённый мечтатель...

С каждой страницей твоего участия в моём мире было всё больше – ты оставляла между страниц краткие заметки, написанные красивым почерком на обычных, тетрадных листах – в них ты оставляла и свои впечатления о мире и мне. Это было приятно до сладкого трепещущего чувства в груди, которое все так красиво звали любовью. А я, тем временем,

был странным, очень и очень, героем, таким, каких обычно не любят ставить в центре – я был художником, а героиня – моей названной музой, что улыбалась уголками губ, сидя в своём большом кресле в красивом платье с множеством лент, что делало её похожей на куклу, неживую, неестественную и слишком хрупкую. Но все мои картины, на самом деле, изображали тебя – жаль, ты не увидела этого, ни единого раза. Каждый раз, рисуя на холсте девушку – я рисовал тебя, ведь...

...ты – не просто мой читатель, а я – давно уже не просто наивный мечтатель...

О чём мечтал я? О любви и о настоящей, не притворной жизни рядом с тобой, такой милой, бесконечно любимой, и созданной именно для этого, притворного, но моего, мира.

На середине истории, когда меня случайно ранили ножом, в подворотне, что слабо освещалась уличным фонарём, свет которого падал едва не лишь на краткий отрезок дороги – ты плакала так искренне, роняя слёзы на желтоватые страницы, что, казалось, так должны плакать за очень близкими и дорогими людьми. Я был тронут, полностью и без остатка, окончательно влюбляясь в тебя и твою искренность. Это странно до боли – меня видели десятки других людей, но именно ты стала той, которую увидел я. О таком, наверное, говорят, что «судьба нелепо пошутила», и созданные друг для друга люди

разбросаны по разным мирам.

Героиня, моя кукла и любовь в этой истории, изнеженная, словно хрупкий цветок, до конца останется со мной рядом – она слепа, наивна и совсем не видит тебя – каждый раз, для неё, я просто смотрю в потолок или на небо. Мне её жаль, ведь она – вечная пленница одной роли, которой не понять, что она в повторяющемся цикле жизни застряла с лёгкой подачи нашего творца. Но я – такой же, и, пленённый своими страхами, могу лишь сбивчиво просить не убивать меня – не касаться пальцами той роковой, последней страницы, что стоит мне жизни.

Мы живём в той притворной вселенной, в которой время замкнуто в петлю, поэтому наш мир делает нас узниками вечных ролей – у нас нет воли, нет надежд, и живём мы по чёткому сценарию, написанному кем-то.

Поэтому, сейчас, когда конец слишком близок, я, бесконечно влюблённый в свою далёкую музу, могу тебя просить об одном:

– Пожалуйста, не закрывай книгу, я не хочу умирать.

И на тёмных простынях он рисовал звёзды

И, сквозь угасающее время, я любил тебя – каждую чёрточку бесконечно милого лица, каждый миллиметр шелковистой кожи, каждый тихий вздох и каждое мгновенье рядом. Ты была моею Госпожой – золото волос на дорогой ткани, улыбка в зелени глаз, румянец на бледных щеках, тихое и счастливое «Люблю» на губах. И я любил тебя в ответ, оставляя сладкие разводы поцелуев на губах, шепча глупые нежности и мечтая – однажды, обязательно, ты должна была стать моей королевой, единой и безгранично могущественной Госпожой однажды падшего сердца.

Касаясь тонкими пальцами воздушной ткани платья, сжимая его в бледных ладонях, немного сгорбившись, ты стоишь посреди цветущего сада, мокрого от идущего дождя, и смотришь безразлично на мир сквозь полу прикрытые веки, потяжелевшие от дождевой воды ресницы и прилипшие к лицу рыжие волосы, контрастирующие с бледной кожей. По твоим щекам льются прозрачные слёзы, растворяясь в непогоде. Это ведь последняя наша работа, помнишь? Твою хрупкую фигуру облепляет мокрая прозрачная ткань, отчего весь мир видит прелести столь кукольного тела – острые ключи-

цы, небольшую грудь, тонкую талию, выпирающие тазовые косточки, широкие бёдра и тонкие ноги. Босая, отчего ступни в грязи и траве, среди воды, наполняющей сад – ты такая естественная. Помнишь ведь?

Ах, конечно нет...

Бледная, словно созданная не для этого мира, такая тонкая и безгранично печальная, ты пришла ко мне дождливым днём давно забытой осени, оставляя на полу мокрые следы стоп, обещая стать всем миром. Тогда, рисуя твою сгорбленную нагую фигуру среди потемневших простыней, я говорил себе, что невозможно любить неизвестную женщину, пришедшую в дом с дождём. Я лгал себе, прошивая нитями своё сердце и едва не крича от этого – мир трескался по швам, и реальность блекла перед твоим безыскусным образом. Ты вдруг впитала в себя все краски, просачиваясь ними сполна и оставляя мир тлеть сереющим фоном, нелепо накинутым к нежности одной тебя.

Я мечтал сегодня забыться в сладком сне, навек, дабы вечно пропускать сквозь пальцы длинные золотые нити в солнечном свете, слыша залиvistый смех, срывающийся с тонких, бледноватых губ. Мечтал, отчаянно доводя себя до иступления, отчётливо громко дыша в пустующей комнате и марая тёмные, как ты любила, простыни. На них рождались звёзды, в которых я видел твой отблеск.

Если бы ты вернулась – я согласился бы подарить сотню поцелуев под розовым небом вблизи милых крохотных домов; отпустить привычную жизнь ради вечных путешествий, со временем забывая родные, столь близкие места, жить в дождливом городе, всегда сжимая в руках зонтик, забросить краски и холст, перекраивая себя для тебя.

Когда ты ушла – небо плакало, вместе с ним плакал и я. А ты, тонкая, совсем худая, с выпирающими костями и чётко очерченными рёбрами, впалым животом и исхудавшим посеревшим лицом, лежала под теми тёмными простынями, разбросав на них длинные выющиеся солнечные пряди. Ты была прекрасна, и, вместе с этим, отвратна. Сердце больно заныло под рёбрами, пропустив гулкой удар. Воздух покинул лёгкие, и, вместе с тем, наполнил темнотой мой взгляд.

Ты осталась размытой акварелью на старом альбомном листе, маслом на шероховатом холсте, едва различимым ароматом на простынях.

Очередным дождливым днём я буду рисовать звёзды, вспоминая тебя.

Стало концом

Он и сам не знал, почему вдруг взял её в жёны – просто вдруг понял, что она стала неотъемлемой частью его жизни. Важная, хрупкая, практически беззащитная в сравнении с ним, она вызывала трогательное желание защитить её – в её осенних глазах он видел океан горячей нежности, и сердце обрывало удары. Он видел её чувства – в улыбке, во взгляде, в каждом жесте – и они опаляли его, словно огонь свечи палит крылья бабочек и мотыльков. Он не знал, куда от этого деться, но продолжал тянуться на свет – в противоположной стороне оставалась подобная ночи Анна. Сильная и независимая Анна. Анна, в глазах которой он однажды увидел мир и замер. С годами отдельная для них вселенная растаяла утренним туманом – она осталась в Преисподней, она осталась сильной и прекрасной женщиной, она осталась недостижимой для него родственной душой, за которой он не смог угнаться – отпряг, стоило ей остановиться на половине шага и посмотреть в его сторону влюбленно-сладким взглядом.

С Анной они не виделись больше трёх лет – до тех пор, пока не пришло известие о её браке с каким-то мужчиной – и он старался не сгореть в чувствах Мари, оставаясь в безопасной тени, на границе мысли о далёком существовании Анны. Старался – всё разбилось пылью от пары неловких

слов, и он забыл обо всём, поднимая взгляд в бледно-серое дождевое небо. Да, он должен был раствориться с утренним туманом их мира, не отпрянуть, не сбежать от её чувств и быть счастливым где-то не здесь – Мари мягко улыбнулась ему и заключила в объятия. Переросшая за годы свою школьную влюблённость, она топила его в горячей и искренней любви – смеялась, бывало, шептала смущённое «Адриан» и отворачивалась, стоило их взглядам пересечься. Для него такое поведение было непривычно-неприятным, а она видела его грусть – горечь в глубине карих глаз и отблески Солнца в рыжих волосах. Он был всем для потерявшей семью девушки, был и остался – она улыбалась ему, гладила коротко отстриженные волосы тёплыми ладошками и мечтала однажды подарить ему покой.

Он увидел её тонкую сгорбленную фигуру у окна, словно нарисованную углём среди солнечного света – она смотрела на небо и мечтала, придерживая тонкую простынь, скрывающую нагое тело – под упрямо мягкими линиями он видел грубые и резкие очертания рёбер, видел позвонки на спине и мог пересчитать ржаво-золотые нити, отбивающие свет. За столько времени это стало привычным чем-то – она грела его своей любовью, подпаливала длинные сине-голубые крылья и забирала себе его тоску, но ему не становилось легче. Поэтому он произнёс несколько коротких, оборвавших удары сердца и его идеальную жизнь, слова – улыбнулся мазано-вынуждено, не скрывая благодарного взгляда, и слабый

ветер, пронёсший с собой утреннюю прохладу сквозь персиковые шторы, разнёс его слова.

«Выйдешь за меня?»

Он имел ввиду именно то, что говорил, какой-то частью сознания осознавал свои слова и мечтал упасть в пропасть, бесконечную щель – лишь бы не слышать ответа – Мари всё также сгорблено стояла у окна, придерживая тонкими пальцами простынь, и смотрела на него отражением душевной осенней ночи. В её наклонённой набок голове, в прищуре глаз, в изгибе губ – он видел смешанные чувства и немой, слишком понятливый укор.

«Конечно...»

Её объятия оборвали его крылья, сожгли все пути отступления – тонкие руки обвились вокруг шеи, и он чувствовал тонкое холодное тело, прижатое к своей груди – она становилась на пальцы, силилась подняться выше и привычно гладила его короткие волосы горячими ладонями. Он видел оттенки нежности в её глазах – Мари давно переросла юношескую, ветряную и слишком лёгкую школьную влюблённость; Мари давно и искренне любила. А он, в целом, просто привык – с ней было просто и удобно, она не требовала звёзд и искала свой мир в нём. С ней было просто – их сын рос

смышлёным и талантливым ребёнком под покровительством непривычно строгой матери и развивающего его силы отца. С ней было просто и, одновременно, хорошо – сын наследовал его черты и напоминал о призрачном прошлом, которое обрывало его сердце. В глазах жены Адриан находил покой, в её объятиях забывал свои ночные кошмары.

«Конечно, конечно...»

Луис всем сердцем ненавидел одержимую заботу об Адриане Анны – то, как она его касалась, как что-то говорила и просто была рядом. Это стало крестом, когда они поженились, и у них родилась дочь – вконец печальная Анна отказывалась есть, и сидела в комнате целыми днями – на тонкой рисовой бумаге рисовались звёзды вперемешку со страданиями, сквозь тонкую бамбуковую перегородку он слышал её плач, сквозь всё время пронёс горячие чувства, которых приходилось отдавать за двоих, как тогда казалось. Он знал – футон неудобно натирает её хрупкое тело, чётко очерченные кости, но поделаться ничего не мог – она кричала не своим голосом, стоило зайти в комнату, или отрешённо смотрела в стену, не произнося ни слова и не смотря на него. С дочерью сидели женщины его семьи, и он был почти благодарен, но каждый раз натыкался на холодный взгляд её брата и его одобрителное «Просто присмотри за моей сестрёнкой так, чтобы она не страдала». Такая сильная и одновремен-

но удивительно слабая, она стала началом и концом его жизни – жаль, влюблённая в глупого Адриана, лишь растратила время и зря рвала клочьями душу.

Когда он отпрянул, убежал от неё – она испугалась и зареклась подходить ближе, словно связь между ними вконец оборвалась, и мира вокруг никогда не существовало – не ему ей когда-то пришлось отдать значительную часть своих сил, не с ним бок о бок сражаться, не на его поддержку полагаться. Анна угасала в этих чувствах, и лишь спустя годы смогла найти облегчения – в улыбке мужа, в стараниях дочери, в одобрении клана

Дочь росла активной, талантливой и полной сил – ей прочили великое будущее, в ней Анна находила свою отдушину и отражение прошлого. Луис смеялся – она его как-то по-своему любила, бывало, ещё и била, но смотрела с печальной нежностью и каждый раз извинялась. Их семейная жизнь со временем налаживалась, текла ручьём и за невзгодами и приходящими изредка бедами – дочь пропала где-то в лесу, и ужас в её глазах был неподдельный – находилось и солнечное счастье, от которого со временем они отвыкли.

Мир, переполненный красками, жил и дышал – надломлено, надтреснуто, словно старое полотно с неправильными мазками, закрытое в душной и пыльной камерке.

«Здравствуй, Адриан...»

Почти забыто тихим голосом где-то у входа, куда он нерешительно поднял взгляд и обмер – повзрослевшая женщина, прекрасная женщина, стоящая у входа в его дом, смотрела на него с печальной нежностью и не отводила взгляда – за спиной маячил Луис, кидая подозрительно-гневные взгляды, и он лишь скомкано улыбнулся, зовя занятую готовкой Мари.

Это стало концом его правильного мира.

Улыбается и молчит

– У нашей дочери будут твои глаза, и само небо будет плакать.

Мария улыбается холодной осени, поглаживает живот и хочет забыть обо всём. За спиной у неё прошлое тряпичной куклы великой семьи, холодный лунный принц, безразличный возлюбленный и косые взгляды людей. Она вдыхает воздух полной грудью едва не впервые – чувствует, как ветер касается её кожи, перебирает волосы, крадёт слёзы с уголков глаз. У неё перед глазами серо-красное осеннее небо, под ногами сырая листва и в душе слишком дождливо – она смотрит на небо и молит Бога вернуть супруга живым. Её греет лиловая кофта, её греют надежды и чувства – она смотрит на небо и думает о том, что давно не готовила для двоих. Смотрит и молчит – он возвращается с ранами, отравленный, ядовитый и едва не немой, а она тихо благодарит Бога и не обращает внимания на красноречивые взгляды Лили. У неё в глазах тоска и недовольство крупным шрифтом под кожей – она хочет обнять и ударить, после того как залечит раны, но не имеет права. Не медик – Господи, маленькая дочь на руках – а женщина в декрете, она уходит домой, ловя спешные прощания.

У Лили не чёрствое сердце, совсем – она приветливо улыбается встретившейся на улице Марии, даёт её сыну конфеты и проводит уроки медицины по пятницам. У Лили не чёрствое сердце, совсем – эгоизма, правда, многовато. Поэтому она уходит к ждущей её дома Аннет – мать читает ей сказки – и старается не думать об остальном. Если подумать – она счастлива – герб мёртвой семьи на спине и любимая дочь мирно сопит под боком. Может, думает Лили и сама себе не верит, однажды Густав и сам оценит всё это, вернётся и всё будет как прежде. Может, но такому не бывать – она закрывает глаза и идёт навстречу другому будущему.

А Марии пусто и одновременно легко – Андре дни напролёт проживает в своём кабинете, приходит поздним вечером и коротко целует в щёку. У него в глазах нежность и забинтованная рука касается большого живота. Он извиняется без слов, в свободное время возится с сыном и иногда покупает ей цветы – тонкие и нежные ромашки в магазинчике за углом напоминают им обоим детство. Андре пытается дарить ей свою скупую влюблённую нежность – она верит его словам и прижимается к горячему телу ночью.

– Мы назовём её Аврора, Мария, и Солнце будет обрывать для неё свои улыбки.

Глупая улыбка на чуть смуглом лице не трогает её слиш-

ком – остаётся кофейной гущей где-то глубоко в душе, словно гадкий осадок дешёвого покупного напитка. Она верит его чувствам, никак не улыбке – ищет отблески правды в глазах, нити лжи в голосе.

Мария же та, кто поклялся быть с ним до конца дней – у неё доброе сердце и понимающий взгляд. А ещё глаза древней семьи, смотрящие в его беззастенчиво грязную душу. Душу, которую он очернил однажды и навсегда любовью к замужней и недоступной женщине, радостью в объятиях друга, отстранённостью в прикосновениях к жене. Мария видит – знает, понимает и прощает.

– Конечно...

Она улыбается и поглаживает ладонью уже большой живот, от которого ломит спину и сердце гулками ударами отдаёт в висках – она чувствует, знает, как близки её роды, и уже почти видит свою милую розовощёкую дочь, которую ей предстоит укачивать долгими-долгими вечерами. Мягкая ткань приятно касается ладоней, и она засыпает на диване в гостиной, ожидая забывшегося за работой Андре – ей не снятся сны, и только крошечный ребёнок толкается под её ладонями.

Осталась всевидящей

Каким выглядит мир для слепого человека? Алиссия не знала, пока однажды не ослепла – от ненависти, любви или ещё чего. Просто однажды проснулась, и увидела перед собой лишь смутные очертания образов – размытые обрывки привычного мира. Отец нервно вздохнул, вызывая лекаря, сестра заплакала, старейшины – засмеялись. Алиссия была безучастно слабой девушкой, не способной повлиять на судьбу великого рода. Да и что у неё было – горсть ярких цветочных бутонов и хрупкая женская сила. Этого оказалось недостаточно – она пала перед болезнью, семейным проклятием и тихим горестным «Прости, Алиссия, но Томас выбрал меня» от Лавон. Солнечной принцессе этого хватило, чтобы понять – мир уже не улыбается ей, и в глубине тишины слышим молчаливый звон.

Это случилось в конце слишком тёплого января, когда снег перед особняком непривычно растаял – дни стали тёмными, как и ночи, когда глаза двадцатилетней Алиссии утратили свой свет. На ощупь она нашла оставленное рядом с кроватью покрывало, неловко накинув его на тонкое продрогшее тело, спотыкаясь вышла в коридор и упала – кто-то помог ей подняться, держа за плечи сильными холодными руками, и она едва заметно улыбнулась – спасена ведь.

Ещё вчера она сидела в кафе недалеко от Академии, отогревая холодные ладони горячим чаем, и мечтала, какой будет её жизнь, пока за окном неспешно падал снег – в жёлтых оттенках мир касался её и согревал, оставляя послевкусие забытого уюта. Лавон зашла внутрь с морозным сквозняком и едва различимым звоном колокольчиков, пряча покрасневшее лицо в ладони – растерянная отчего-то и живая, она села за столик Алиссии, оставляя красную куртку на спинке стула, и улыбнулась, растягивая накрашенные губы в подобии приветствия. Девушка дёрнулась, когда бледные холодные ладони с силой сжали ей руку, и внимательно-искрящийся взгляд, казалось, сжёг её на месте. Она шептала надрывно и как-то слишком победно о том, что счастлива, прежде чем – вперемешку с ломкими извинениями – сказать слишком громкое, горькое и до отвращения картинное «Он выбрал меня... Томас предпочёл меня...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.